

ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В.Н. КАРАЗИНА  
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНЫ  
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»

С.Б. СОРОЧАН

# ВИЗАНТИЙСКИЙ ХЕРСОН

(вторая половина VI — первая половина X вв.)

*Очерки истории и культуры*

*Часть I*

Москва  
2010

#### Редакционный совет:

Академик НАН Украины *П.П. Толочко* (председатель),  
член корреспондент НАН Украины *С.Д. Кржицкий*, профессор *Аж. Картер*,  
д.и.н., профессор *О.Р. Бородин*, д.и.н. *Г.Ю. Ивакин*, д.и.н. *В.М. Зубарь*,  
д.и.н., профессор *С.Б. Сорочан*, д.и.н., профессор *А.П. Романчук*,  
д.и.н. *А.С. Русяева*, д.и.н., профессор *А.В. Сазанов*, к.и.н. *А.В. Марченко*  
(зам. председателя), к.и.н. *Г.М. Николаенко*, к.и.н. *А.В. Седикова* (секретарь)

#### Редакционная коллегия тома:

Г. Ю. Ивакин (отв. редактор), А. П. Моця, О. Р. Бородин, В. М. Зубарь,  
А. В. Марченко, А. В. Седикова, А. В. Домановский (отв. секретарь)

Рекомендовано к печати

Учеными советами Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина, Института археологии НАН Украины и Национального заповедника  
«Херсонес Таврический»

На обложке использованы фото С.Б. Сорочана и А.С. Гаташа

#### С.Б. Сорочан

**Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.)** Очерки истории и культуры / Отв. ред. чл.-корр. НАНУ Г.Ю. Ивакин. 2-е изд., испр. и доп. – Москва Издво, 2010 – с.**ISBN**

Книга является одним из четырех томов, посвященных истории и культуре Херсонеса Таврического в античную и средневековую эпоху, издание которых было задумано и осуществляется Институтом археологии НАН Украины и Национальным заповедником «Херсонес Таврический». В ней рассматриваются разные стороны политической, административной, социальной, экономической жизни, материальной и духовной культуры херсонитов в период раннего средневековья (вторая половина VI – первая половина X вв.), когда город входил в состав Византийской империи и вместе с тем находился в непростых отношениях с другими сопредельными народами, в частности, с готами, аланами, тюрками, росами, могучей, загадочной Хазарией. Прочитав это исследование, можно обнаружить, что некоторые прежние положения начинают смотреться по-новому. В частности, предлагается видеть в Таврике византийско-хазарский кондоминиум, а в Херсоне лояльный ромейский центр, весьма далекий от самоуправления. Значительное внимание в монографии уделено поискам проявления византийских церковных обрядов в жизни города и уточнению его топографии, урбанонимов, агоронимов. При этом предлагается новая, иногда неожиданная интерпретация ряда памятников. Будучи фундаментальным обобщающим научным трудом, книга сохранила полемичность, занимательность, доступность и яркость изложения, которые сочетаются с последними достижениями науки. Поэтому она может быть адресована не только специалистам, историкам, археологам, преподавателям вузов и школ, но и всей культурной общественности, интересующейся средневековой историей Украины. В немалой степени этому помогает наличие в книге приложения, в котором помещены комментированные переводы наиболее ценных, интересных для истории раннесредневекового византийского Херсона письменных источников, вышедших в редких, а потому труднодоступных для широких кругов читателей академических изданиях.

© С.Б. Сорочан

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Задача создания новой обобщающей, фундаментальной, концептуальной академической работы по истории раннесредневекового Херсонеса или Херсона, как его с VI в. называли византийцы, которым принадлежал город, относится к числу назревших и весьма актуальных. Достаточно заметить, что издание крупного последнего аналогичного проекта — монографии А.Л. Яковсона — произошло в 1959 г. Поэтому проблема уже давно стоит на научной повестке, но до сих пор даже известные специалисты, много лет занимающиеся историей Херсонеса, такую работу не предпринимали. Ее пробным опытом можно считать эту книгу, аккумулировавшую накопленные знания, разворачивающую панораму жизни херсонитов в самых разных ее проявлениях, от хозяйственных до культурных, причем в тесной увязке с тем, что происходило не только в Крыму, но и на просторах Евразии, в Византийской империи и в сопредельных с ней странах, прежде всего, в Тюркском каганате, Хазарии, загадочной Леведии, Печенегии и Руси. Такая всеохватность и вместе с тем глубина является следствием методики автора, верного и цивилизационному подходу, и приемам исторической антропологии, «социальной психологии» в решении намечаемых научных проблем, перечень которых будит исследовательское воображение.

Монография изобилует целым рядом новых, достаточно аргументированных положений, уточнений, позволяющих пересмотреть некоторые старые, противоречивые взгляды, заблуждения, теории и, вместе с тем, выдвигает новые предположения, которым в свою очередь еще предстоит проверка временем. Среди них следует отметить установление с помощью опоры на археологические источники трудно уловимого *terminus ante quem* для составления Слова о семи священномучениках епископах Херсонских; отказ от признания утери Византией позиции в Таврике в постюстиниановское время, в VII в.; объяснение массового общественного и жилого строительства, обнаруживаемого повсеместно на всей территории Херсона во второй половине VI — начале VII вв., комплексом причин, среди которых важнейшей могла стать необходимость ликвидировать последствия катаклизма, вероятно, серии сейсмических толчков, нанесших серьезный ущерб городу в конце 550-х гг.; указание на отсутствие зависимости Херсона от поставок сельскохозяйственной продукции из-за моря уже к началу VIII в. и возобновление, рост этой зависимости со второй половины — конца IX в. вследствие изменения этнополитической ситуации в

Причерноморье; предложение видеть в Таврике не «Крымскую Хазарию», а совместное византийско-хазарское кондоминатное владение, которое просуществовало с конца VII в. до конца 30-х гг. IX в.; отказ от признания в кладке «в елку», издавна известной на территории Крыма, показателя культурной и тем более этнической принадлежности ее строителей исключительно к населению салтовского круга, тюркам или хазарам; последовательный пересмотр представлений об упадническом, кризисном облике Херсона в «темные века» во всех проявлениях городской жизни; установление связи организации византийской фемы на территории Крыма около 840 г. с предшествующими изменениями, которые происходили как в Таврике, так и в евразийском регионе и конкретно в самой Романии с последней трети VIII в.; уточнение даты (лето 787 г.) и характера восстания Иоанна Исповедника как превентивного проромейского выступления, рассчитанного на приостановление возможной оккупации Крымской Готфии Хазарским каганатом и на признание Константинополем легитимности здешнего епископства; воссоздание истории и периодизации административного устройства Херсона от дуката к архонтии и затем к феме и освобождение этой истории от навязываемого почти двухвековой историографией «призрака» самоуправляемого, вольного города, всячески отстаивавшего независимость от имперских поползновений Византии; пересмотр представления о прекращении функционирования херсонского загородного некрополя во второй половине VII—первой половине IX вв. и попытка взглянуть на гробничное дело глазами самих херсонитов той поры; оценка состояния города и его окрестностей во второй половине IX в., которая заставляет усомниться в свидетельствах письменных источников, рисующих положение горожан как неких «обитателей тюрьмы»; установление грани между раннесредневековым и средневековым периодами истории Херсона, ее привязка к 40-м гг. X в. и высокая оценка степени влияния Византии в Таврике в это время.

Немало внимания в работе, сильной своей аналитической частью, глубоким синтезом, уделено слабо изученной исторической топографии раннесредневекового городища, позволяющей воскресить места существования некоторых известных по письменным источникам общественных сооружений херсонитов, установить ряд урбанонимов и агоронимов. Топографический и систематический метод, принятый в христианской археологии, предполагает сочетание, сопоставление письменных и архитектурно-археологических источников, чему неизменно следует автор, одинаково профессионально владеющий теми и другими. Следует подчеркнуть, что это не очередная «опись» или перечень руин, своеобразный «мартиролог» разнотипных христианских храмов, а обобщенное исследование пространственно-архитектурной динамики и литургической жизни города в наименее изученный и наиболее спорный период его существования. Использование обширного комплекса источников позволяет прийти к принципиально важному выводу о сравнительно высоком уровне провинциального византийского строительства в VII—IX вв., которые принято трактовать как «период упадка». Прочие разнообразные материалы, выраźnie рисующие разные стороны жизни провинциально-византийского

города и всего края, тоже указывают на то, что краски эпохи были отнюдь не только темными.

Книга является одним из итоговых томов по истории Херсонеса и продолжает не имевшую прецедента серию научных работ об этом памятнике мирового уровня, издание которых было задумано Институтом археологии НАН Украины и Национальным заповедником «Херсонес Таврический»<sup>1</sup>. Разумеется, ни одна монография не способна вместить все о предмете своего исследования. Тем более если «предмет» этот не исследован до конца и хранит в каменных руинах, покоящихся на площади около 30 гектаров, еще множество тайн и открытий. Читателю предлагается скорее серия исследовательских очерков, спаянных одной идеей и целью — проследить основные стороны проявления жизнедеятельности херсонитов в окружавшем их непростом, переменчивом, грозном и по своему счастливым мире, который далекие потомки нарекут эпохой «темных веков». При этом еще раз надо подчеркнуть, что главное внимание в книге уделяется пересмотру ряда устоявшихся, но устаревших, сомнительных положений, взамен которых предлагаются новые, во многом оригинальные версии, позволяющие, как кажется, увидеть не только более ясный, многогранный облик византийского Херсона, но и новые стороны общей исторической концепции раннесредневековой Таврики, которую не стоит торопиться объявлять уже созданной и которую еще предстоит создавать.

Особо следует отметить прилагаемую к работе «Антологию письменных источников», представляющую комментированную выборку из труднодоступных широкому читателю переводов более 25 важнейших и разнообразных памятников (исторические сочинения, хроники, жития святых, материалы церковных синодов, трактаты, послания высокопоставленных византийцев, евреев и хазар). С их помощью пытливый читатель сможет самостоятельно проверить те или иные утверждения исследователей, а главное, получит шанс полнее и глубже постичь историю Херсона и Крыма VI—X вв., услышать со страниц древних рукописей заветный «шорох времени».

Член-корреспондент НАН Украины,  
профессор

А. П. Моця



<sup>1</sup> См.: Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. — VI в. н.э. Очерки истории и культуры/А.О. Владимиров, Д.В. Журавлев, В.М. Зубарь и др. — Харьков: Майдан, 2004. — 731 с.

только более успешными поначалу, были действия сосланного в 715 г. в Фессалонику низложенного Анастасия Артемия II, которому в 718 г. удалось вовлечь в заговор по возвращению престола своих приверженцев из числа фессало-никийцев, и в их числе архиепископа Фессалоники<sup>412</sup>. На мой взгляд, прекрасный пример «двойственности», схожей с херсонской, и пример далеко не единственный.

Тем не менее, когда Юстиниан вернул власть, он, в свою очередь, не колеблясь, выбрал Херсон местом ссылки для своего потенциального врага Вардана, которому предсказывали царский венец<sup>413</sup>. Есть основания полагать, что именно в Херсон или его окрестности «(на берега Понта») им был сослан предварительно ослепленный равеннский архиепископ Феликс (705–723), несмотря на свои проимперские симпатии, очевидно, запятнанный контактами с василевсом-узурпатором Леонтием<sup>414</sup>. В том, что ожидания императора в отношении благонадежности города не оправдались, оказались повинны он сам, его злопамятность, жажда личной мести, толкавшие на безумные поступки, а не некая паталогическая неверность херсоншителей, только и мечтавших об автономии. Скорее, здесь могли быть задействованы религиозные симпатии и антипатии местного населения. В частности, монофелитская оппозиция продолжала таять<sup>415</sup>. Этими настроениями мог воспользоваться в Херсоне Вардан, известный как стойкий монофелит. Он был близок к ученикам Макария Антиохийского, лишённого сана после VI Вселенского синода, на котором Макарий единственный осудил диафелитство<sup>416</sup>. Следовательно, город стал местом ссылки будущего василевса потому, что в очередной раз сменил религиозный курс на ортодоксальный, но изгнаннику удалось найти сторонников среди местного населения. Недаром после прихода к власти он созвал церковный синод с целью отменить положения VI Вселенского собора и предать его анафеме.

Под 776 г. в «Хронографии» Феофана упоминается, что «император, избив и остригши мятежников, сослал ... в Херсон и климата (eis Chersona kai ta klimata) ради стражи и преследования» младшего брата покойного Льва IV Хазара — кесаря Никифора и других его сообщников-заговорщиков, замышлявших дворцовый переворот<sup>417</sup>. Точнее, это приняла вдова василевса, Ирина, весной 776 г. раскрывшая заговор иконоборской группировки, которая объединилась вокруг братьев Льва

<sup>412</sup> Nicephoros Patriarch of Constantinople. Short History. Text, transl. and comment. by C. Mango. — Washington, 1990. — P. 126.

<sup>413</sup> Чичуров И.С. Указ. соч. — С.41, 64, 157, 165/

<sup>414</sup> Архиепископ Феликс был схвачен стратигом Сицилии патриkiem Феофором во время карательной экспедиции в Равенну, вероятно, весной 710 г. (Agnelli Liber Pontificalis Ecclesiae Ravennatis / Ed. O. Hloder — Egger // Scriptores rerum langobardicarum et italicarum. — Hannoverae, 1878. — P. 367–369; De Liber Pontificalis. Texte, introduc. et comment. par L. Duchesne. — Paris, 1955. — T.1. — P. 389; Русские древности в памятниках искусства издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым. — СПб., 1891. — Вып.4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. — С.8; Бородин О.Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. — СПб., 2001. — С. 139–140, 162–165). После утверждения на троне Вардана Фи-липпика он был возвращен в Равенну в 712 г.

<sup>415</sup> Карташов А.В. Вселенские соборы. — М., 1994. — С.449.

<sup>416</sup> Поснов М.Э. История христианской церкви (до разделения церквей — 1054 г.). — К., 1991. — С. 454; Карташов А.В. Указ. соч. — С.436–437.

<sup>417</sup> Theophanis Chronographia. — P. 450.31–451.2; Чичуров И.С. Указ. соч. — С. 46, 68.

Хазара ради попытки возвести на трон Никифора. Для того, чтобы решиться на отправку преступников в Херсон, надо было быть вполне уверенным, что опасный злоумышленник, способный на многое в силу своего высокого статуса, и его «подельники» не найдут сочувствия и поддержки у властей архонтата и будут лишены каких-либо возможностей для реванша. Очевидно, они тоже были разлучены друг с другом, будучи разбросаны по разным местам на территории климата. Долгле полное забвение, отсутствие свидетельств о переговорах сосланных с херсонитами, о каких-либо попытках самостоятельно продолжать плести интриги, лучшее тому доказательство. Лишь через четыре года, осенью 780 г. о них вспомнили, попытавшись использовать в столичном придворном заговоре логофета дрома Георгия, направленном на свержение восстановителей иконопочитания, императрицы Ирины и ее 10-летнего сына, Константина VI, после раскрытия которого потенциально опасных для трона ссыльных доставили из Херсона в Константинополь, рукоположили в священники, а Никифора, ослепив, сослали на этот раз в Грецию<sup>418</sup>.

Никто в Херсоне, как в целом в Таврике, не попытался использовать введение иконоборчества как повод для бунта и отделения от государства, хотя подобное происходило в других районах Империи, например, в Мантуе, Луке и Бледе<sup>419</sup>. Уже одно следование византийскому конфессиональному диктату, всем колебаниям курса Византии, за что иконодул Епифаний в первой трети IX в. укорял «лжецов», «некрепких на веру» и «кружимых всяким ветром», говорит не о неких особых, неприглядных этических, моральных нормах жизни местного населения, как может показаться на первый взгляд, а о стойкости проромейской ориентации «херсаков» и их следованию изгибам правительственной политики<sup>420</sup>.

Неукротимые монахи столичного Студийского монастыря, не пожелавшие признать решений «антистудийского» поместного собора 809 г. и склонившиеся перед уговорами Никифора I Геника, были сосланы в разные места Романии, в числе которых в одном ряду упоминались Финия, Херсон, Сицилия, Фессалоника, где их содержали в самых тяжелых условиях<sup>421</sup>. Подчас игумены, которым, как полагалось по закону, был вверен надзор над заключенными, притесняли их не в меру ретиво, даже больше, чем того требовали правительственные предписания<sup>422</sup>. В частности, в 48-м письме Феодора Студита некоему «юному Афанасию» (810-811 гг.) перечисляется ряд лиц, принадлежавших к разным степеням церковной иерархии и подвергшихся гонению за сочувствие взглядам студитов. Здесь названы епископ Лев по прозванию Валелад, устрашаемый, пре-

<sup>418</sup> Через 17 лет славяне Греции под предводительством князя велесичей Аксамира еще раз попытаются провозгласить василевсом Никифора, но императрице Ирине с большим трудом удастся подавить мятеж (Дашков С.Б. Императоры Византии. – М., 1997. – С. 139, 140).

<sup>419</sup> Ср.: Бородин О.Р. Равеннский экзархат. – С. 174–175.

<sup>420</sup> Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко А.В. Жизнь и гибель... – С. 234.

<sup>421</sup> Michailus Monachus. Vita et conversatio sancti patris nostri et confessoris Theodori abbatis monasterii Studii // PG. – 1864. – Т.99. – Col. 269 D, 272 DC; Theodori Studitae epistulae // PG. – 1864. – Т.99. – Col. 1068 B, 1072 C – 1073 B, 1076 B, 1116 B; Theodori Studitae Laudatio Sti Platoni // PG. – 1864. – Т.99. – Col.840 D – 841 A; Доброклонский А.П. Преп. Феодор, исповедник и игумен Студийский // Записки имп. Новороссийского ун-та. - Одесса, 1913 (1914). - Т.113. - С.649.

<sup>422</sup> Theodori Studitae Laudatio Sti Platoni. – Col.840 D; Theodori Studitae epistulae. – Col.1052 A.



следуемый в Херсоне (*dediogmenos, persecutionem passus*), игумен Антоний и двое других его сподвижников, смещенных, очевидно там же; затем, после упоминаний лиц, сосланных на Липарские острова, опять в Херсоне — Литой с братией, сначала содержащиеся под стражей в этом городе, а потом отправленные к василевсу и заключенные в константинопольскую тюрьму<sup>423</sup>. Разумеется, представители духовных властей Херсона не были редкостью среди прочих, кто пострадал и в других местах Византии за следование примеру студитов. Поэтому в неприятии политики Ники-фора I некоторой частью херсонского клира нельзя усмотреть ничего исключительного, присущего только «вольнлюбивому» Херсону. Посылая своих противников в изгнание, каждый император оставался убежден в благонадежности выбранных для этого городов и мест и в том, что их население покорно разделяет официальную имперскую политику, направленную на укрепление позиций центральной власти в ущерб самостоятельным интересам духовенства.

Феодор Студит, обращаясь в другом своем письме, отправленном летом или осенью 821 г., к находившимся в Херсоне ссыльным епископам и монахам-«студитам», призывал их крепиться и быть наставниками, учителями, проповедниками местных жителей, «находившихся во мраке и заблуждении жизни» и участвовавших в совершении здесь «страшных дерзостей» против Христа<sup>424</sup>. Очевидно, имелась в виду приверженность тому самому официальному правительственному курсу, насаждаемому из Константинополя, который, по словам Феодора Студита проводили «ироды»-василевсы и, в частности, убитый в ночь на Рождество 820 г. Лев V Армянин — «великий дракон, Ассирийский ум». В то же время становится понятным, что верноподданный Херсон, в целом чуждый врагам правивших василевсов, был транспортно связан с ядровыми землями Империи, без чего невозможны были беспрепятственный приезд в Константинополь «одного из гонимых братий», Агапита, «монаха достпочтеннейшего, или лучше, блаженнейшего», а также переписка со ссыльными, которые должны были содержать себя за свой счет, посылая им «некоторого приношения», видимо, столь необходимых в чужом городе денег и продуктов<sup>425</sup>.

Верность Херсона правительственному иконоборческому курсу тем более любопытна на фоне явных иконопочитательских симпатий и настроений, какие обнаруживала тогда же соседняя Готфия. Иначе невозможно объяснить, почему между 821 и 826 гг. иерарх здешнего монашества, тот, кого Феодор Студит называл «архимандритом Готфии», состоял в

<sup>423</sup> Theodori Studitae epistulae. — Col. 1072 D; ср.: Auzepy M.-F. Gothie et Crimée de 750 a 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques // МАИЭТ. — 2000. — Вып.7. — P.326. Цитата из этого источника, приводимая А.И. Романчук в переводе на немецком языке, неполна (Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. — Екатеринбург, 2000. — С. 78, прим. 91). Разумеется, представители высших духовных властей Херсона не были редкостью среди прочих, кто пострадал и в других местах Византии за следование примеру студитов. Поэтому в неприятии политики Ники-фора I некоторой частью херсонского клира нельзя усмотреть ничего исключительного, присущего только «вольнлюбивому» Херсону.

<sup>424</sup> Творения преп. отца нашего и исповедника Феодора Студита ... — С. 454–455 (письмо ХСII от 821 г.).

<sup>425</sup> Творения ... — С.455.



переписке если и не с опальным, то все же известным вождем иконопочитателей, принимал от него наставления в истинной вере, упреки в обмирщении местного монашества, его отходе от требований иноческого устава и даже обращался к Феодору с просьбой быть посредником в раздоре с неким «боголюбимейшим отцом и киром Филаретом», архiereем епархии, возможно, Готфской, Херонской или Сугдейской<sup>426</sup>. По мнению Х.-Ф. Байера, эпитет «боголюбимейший», который был использован Феодором в письме по отношению к этому архiereю, указывает на то, что упомянутый Филарет не мог быть иконоборцем<sup>427</sup>. Замечание не бесспорное, ибо нам не известно содержание этого письма и те упреки или наставления, которые, как и в письме архимандриту Готфии, в нем тоже могли быть.

Ортодоксы-студиты были не единственными опальными иконопочитателями. В самом начале правления Миахаила II (820–829) Херсон по неясным причинам вынужден был покинуть вместе со своим учеником Парфением прибывший туда из Константинополя ради «отдыха» (eis anapsuxin) предварительно амнистированный (adeias) Иоанн Психаит, искусный проповедник, знаменитый подвижник православия; вероятно, при Феофиле (829–842) или «за дерзновенное обличение ереси», то есть иконоборчества, здесь отбывал ссылку монах, преподобный Иосиф Гимнограф (810–883 или 886 гг.), причем он оставался в городе «во узах и озлоблении», вероятно, вплоть до смерти Феофила, после чего его вернула в столицу август Феодора, воцарившаяся с сыном Михаилом<sup>428</sup>. Если это так, тогда изгнание Иосифа последовало, скорее всего, после 832 г., когда Феофил издал указ «о непоклонении иконам» и стал применять насилие к непокорным, переполнив застенки «почитателями икон, богомазами, монахами, епископами, пастырями и паствой»<sup>429</sup>. В

<sup>426</sup> См.: Theodori Studitae epistulae // PG. – 1862. – Т.99. – Lib.II, № 164, col.1519–1520; Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. – P. 104–105, 135.

<sup>427</sup> Байер Х.-Ф. История крымских готов... – С.346.

<sup>428</sup> La Vie grecque de S. Jean le Psychaitte, confesseur sous le regne de Leon l'Armenien (813-820) / Ed. P. Van den Ven // Le Museon. Nouvelle Serie. – 1902. – Т.3. – P. 118–120; Vita Sti Iosephi Hymnographi auctore Ioanne diacono Constantinopolitani // PG. – 1864. – Т.105. – Col. 939–974 (особенно sec. 4); Пападопуло-Керамевс А.И. Сборник греческих и латинских памятников, касающихся Фотия Патриарха. – СПб., 1901. – С. 1–14; Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano par Hipp. Delehaye // Acta Sanctorum Novembris Propylaeum. – Bruxelles, 1902. – Col.583; Бобринский А. Херсонес Таврический. Исторический очерк. – СПб., 1905. – С. 110; Лопарев Хр. М. Византийские Жития святых VIII–IX вв. // ВВ. – (1911) 1913. – Т.18. – С. 1–6, 12; Лопарев Хр. М. Греческие жития святых VIII и IX веков. – Пг., 1914. – С. 227, 235; Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания матфея о городе Феодоро. – Екатеринбург, 2001. – С. 351–352.

<sup>429</sup> Theophanes continuatus // Theophanes continuatus. Ioannes Cameniata. Symeon magister. Georgius monachus / Rec. Im. Bekkeri. – Bonnae, 1838. – P. 99–100 (III. 10); Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Изд. Я.Н. Любарского. – СПб., 1992. – С. 46–47; Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab Im. Bekkerio suppletus et emandatus. – Bonnae, 1839. – Т. 2. – P. 101; Кэджан А.П., Шерри Ли Ф., Ангелиди Х. История византийской литературы (650–850 гг.). – СПб., 2002. – С.350. Следует заметить, что определение времени ссылки Иосифа Песнописца вызывает разногласия. Упоминание ереси как-будто говорит об иконоборческой поре. Однако из Жития следует, что когда «началась христорборческая ересь», то есть в 832 г., Иосиф оказался в плену у критских арабов, к которым попал следуя на корабле в Рим. И лишь по смерти Феофила, после многих лет отсутствия (meta chthonous sychnous), он вернулся из плена в Константинополь, поселился в монастыре Иоанна Златоуста, где прожил пять лет. Примерно в 847–848 гг. Иосиф основал свой монастырь, а затем в Фессалии – храм во имя ап. Варфоламея. Только после этого он «среди соблазнов церкви испытал на себе тяжелую руку кесаря Варды», брата вдовствующей августы Феодоры и дяди Михаила III, и по повелению

частности, в 838 г. он организовал ссылку части столичных монахов в провинцию<sup>430</sup>. Именно присылка в окраинный город с ведома властей самых ярких иконопочитателей из числа духовенства в корне противоречит предположению о якобы «оппозиционном направлении, которое господствовало в Херсонесе в связи с иконоборчеством»<sup>431</sup>.

Ничего не изменил и отказ от него. В самом конце 850-х и начале 860-х гг. окрестности города (*penes Cersonam*), вероятно, все те же кастра и полисмата, служили местом приема ссыльных «игнатиян», непримиримых противников василевса Михаила III и Фотия, этого «светского чиновника», рукоположенного в патриархи 25 декабря 858 г.<sup>432</sup>. Дело в том, что самосознание византийского социума, к которому относились и херсониты, очень долгое время было «государственническим» и конфессиональным, а не этническим, ибо отражало «самоидентификацию государства и города»<sup>433</sup>.

Херсон был прекрасен, с учетом основных правил полиоркеттики укреплен, обладал сплошной, мощной крепостной оградой, а с напольной стороны, двойной<sup>434</sup>. Его государственный статус постепенно эволюционировал в зависимости от изменения социальных и политических обстоятельств, но в любом случае местный административно-полицейский аппарат, по всей вероятности, был достаточно силен и действенен, чтобы

---

василевса, был изгнан в город Херсон (*lego de ta peri tou kaisaros Barda lalethenta te kai prachthenta, ina syntomos eipo, othen basileio cgeiri kai neumatī makran yperopios ginetai, toutestin en Chersoni te polei, ina kai tou enteuthen tyche makarismou*). Вернулся он из ссылки «через несколько лет» (*meta tinas chronous*) (ср.: *Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae*... – Col. 583; Лопарев Хр. Византийские Жития святых VIII–IX веков. – С. 4). Известно, что Варда, вошедший вместе с Феодорой в регентский совет при Михаиле в 842 г., действительно сделал немало для того, чтобы отстранить сестру от власти и сместить патриарха Игнатия (847–858), сына иконопочитательски настроенного василевса Михаила I (811–813). Если учесть, что интриги Варды против Игнатия и его сторонников начались не ранее 847 г., достигли апогея в 857–858 гг., завершившись выдвиганием на патриарший трон протоскрипта Фотия, а кесарем Варда стал в 862 г. (Treadgold W. A History of the Byzantine State and Society. – Stanford, Calif., 1997. – P. 451–452; An-gold M. Byzantium. The Bridge from Antiquity to the Middle Ages. – New York, 2001. – P. 124), тогда ссылка Иосифа при-шлась примерно на 848–858 гг., если не позже, и он мог попасть в Херсон вместе с некоторыми прочими опальными «игнатиянами», скорее, к самому концу 50-х гг. Однако едва ли новый патриарх Фотий (858–867), любивший Иосифа и считавший его выше других, надолго оставил бы ссыльного в забвении – до 867 г., как иногда полагают (ср.: Каждан А.П. Иосиф Песнописец и первое русское нападение на Константинополь // Славяне и их соседи. – 1997. – Вып. 6. – С. 53–60; Бибииков М.В. Byzantynorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. – М., 2004. – С. 317–318). Во всяком случае, ко времени пребывания в Херсоне Константина Философа зимой 860–861 гг. его здесь уже не было, иначе такое соседство не преминули бы отметить агнографы. Во второе патриаршество благодарный Игнатий (867 - 877) назначил Иосифа Песнописца скевофилаком Великой церкви. Следовательно, не проходит предположение Е. Томада-кис, что под «негодным царем», указанным Иоанном Диаконом гонителем Иосифа, следует понимать Василия I (867 - 886) (Tomadakes Eu. I. Ioseph o Gemnographos. Bios kai ergon. – Aphena, 1971).

<sup>430</sup> История Византии. – М., 1967. – Т.2. – С. 74.

<sup>431</sup> Ср.: Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р.Хр. – М., 1908. – С. 44.

<sup>432</sup> *Epistolae Anastasii apostolicae sedis bibliothecarii*... – P.141, § 3 (речь идет о Митрофане, митрополите Смирн, сосланном сюда «вместе с другими»). Как уже было сказано, на середину IX в. могло прийти и изгнание Иосифа Гимнографа.

<sup>433</sup> Хвостова К.В. Византийская цивилизация // Вопросы истории. – 1995. – № 9. – С. 34; Дагрон Ж. Формы и функции языкового плюрализма в Византии (IX - XII вв.) / Пер. О.А. Власовой // Чужое: опыт преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. – М., 1999. – С. 160.

<sup>434</sup> Кучма В.В. Оборонительные сооружения Херсонеса ... – С. 150–163; Антонова И.А. Протейхизма в системе оборонительных сооружений Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888–1988. Тезисы докл. – Севастополь, 1988. – С. 5–9.

не допустить возникновения и распространения смуты со стороны потенциальных источников — политических ссыльных, государственных преступников. Отзвуки былого полисного самоуправления в раннесредневековых структурах этой муниципальной бюрократии, ставшей частью имперского аппарата, как и связь органов власти с городской общиной были не более сильны, чем в большинстве других ромейских городов, твердо державшихся за византийскую политическую систему и не посягавших на основы ромейской монархии. «Противное царским повелениям», разумеется, могла замыслить и периодически замышляла знать любого византийского города, но до XI столетия это была борьба не за муниципальные вольности и не за отделение от Империи, а за более удобное, выгодное положение в ней. С этой точки зрения Херсон являлся в VI—X вв. на удивление лояльным, послушным, даже консервативным ромейским провинциальным городом, а сами херсониты вполне образцовыми верноподданными ромеями, ипиками (υρεκοοί), покорно принимавшими утверждаемых из столицы правителей.